
В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ INTO TEACHER'S NOTEBOOK

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 2 (484). С. 109–116.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(2(484):109-116. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 101.8

doi: 10.47475/1994-2796-2024-484-2-109-116

ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ В УЧЕНИИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Альфия Янаховна Камалетдинова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, allakamaletdinova@rambler.ru,
ORCID: 0000-0001-9631-620X

Аннотация. Продолжаем публикацию материалов по проблеме цивилизации. В рекомендациях преподавателям высшей школы предложено рассмотреть учения Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева. В ранее опубликованных статьях были рассмотрены разные подходы к проблеме цивилизации в мировой и отечественной мысли. В предлагаемой статье попытались увидеть динамику развития от раскрытия сущности теории культурно-исторических типов до гипотезы вторичного и предсмертного смешения культурных типов.

Ключевые слова: культурно-исторический тип, развитие, государственность, духовность, религиозность, наука, славянская цивилизация

Для цитирования: Камалетдинова А. Я. Диалектика развития теории культурно-исторических типов в учении К. Н. Леонтьева // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 2 (484). С. 109–116. doi: 10.47475/1994-2796-2024-484-2-109-116

Original article

DIALECTICS OF THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF CULTURAL AND HISTORICAL TYPES IN THE TEACHINGS OF K.N. LEONTIEV

Alfiya Ya. Kamaletdinova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, allakamaletdinova@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-9631-620X

Abstract. We continue to publish materials on the problem of civilization. In the recommendations, higher school teachers are invited to consider the teachings of N.Y. Danilevsky and K.N. Leontiev. In previously published articles, different approaches to the problem of civilization in world and domestic thought were considered. In the proposed article, we tried to see the dynamics of development from the disclosure of the essence of the theory of cultural and historical types to the hypothesis of secondary and near-death mixing of cultural types.

Keywords: cultural and historical type, development, statehood, spirituality, religiosity, science, Slavic civilization

For citation: Kamaletdinova AY. Dialectics of the development of the theory of cultural and historical types in the teachings of K.N. Leontiev. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(2(484):109-116. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-484-2-109-116

Постановка проблемы

Решение проблемы цивилизационного развития человечества немислимо без обращения к положениям основателей теории цивилизации (Л. Г. Морган, Ф. Энгельс, К. Маркс), особо хо-

телось бы выделить вклад Н. Я. Данилевского [5] и К. Н. Леонтьева [1]. В социальной мысли мирового научного сообщества мало известны исследования российских ученых Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева. В письмах к П. Е. Астафьеву, опубликованных впоследствии под общим названием «Культурный идеал и племенная политика»

(1890 г.), отвечая на критику собственной публикации «Национальная политика как орудие всемирной революции» [1], Константин Николаевич пытается проанализировать развернувшуюся дискуссию между В. С. Соловьевым, Н. Н. Страховым (защитником теории Н. Я. Данилевского), П. Е. Астафьевым и др. В полемическом задоре все оппоненты отталкиваются от книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Спор развернулся вокруг понятий «культурный тип» и «цивилизация». Ранее, рассматривая взгляды исследователя на «культуру» и «цивилизацию», мы отмечали: «Н. Я. Данилевский в основном труде „Россия и Европа“ (1869) аргументированно и последовательно развивает теорию „культурно-исторических типов“ (КИТ) человечества, а также законы движения» [5. С. 87]. Далее нами было отмечено: «В теории Н. Я. Данилевского в центр развития человеческой истории помещена культура, в которой выделяется приоритетность культурного фактора перед религиозным, этническим, языковым. Выскажем мнение, что происходящая в современной науке подмена понятия «культурно-исторический тип» понятием «цивилизация» не совсем правомочно, более того, приводит нас к формулированию некорректных выводов. Используя термин «цивилизация», чаще всего мы подразумеваем количественную совокупность определённого уровня поступательного развития человечества» [5. С. 90].

Особый интерес представляют не столько основные труды, которые активно обсуждались современными авторам российским сообществом, сколько их личная переписка, в которую, пожалуй, удалось заглянуть немногим. Из поля зрения многих исследователей, к сожалению, выпадала актуальная дискуссия К. Н. Леонтьева с П. Е. Астафьевым, личная переписка К. Н. Леонтьева с его молодым другом И. И. Фуделем, да и другие немаловажные аспекты наследия мыслителя. Полемизируя с П. Е. Астафьевым, Константин Николаевич акцентирует внимание современников на понятии «культура», которую он «...последуя Данилевскому, понимает не просто как „цивилизацию“; а как *цивилизацию особую*, как особый вид развития *жизни и сознания*, цивилизацию «поэтому» менее выработанную и менее богатую плодами, чем другая, но более её *своеобразную*, поэтому надо считать более *культурной* (типичной), чем [вторую], тибетскую более бельгийской, персидскую более современной испанской и т. д.» [1. С. 429].

П. Е. Астафьев соглашается с пониманием К. Н. Леонтьевым сущности прогрессивного раз-

вития социума «как усложнения, дифференциации и т. п.» («Византизм и славянство», 1875), однако трактует развитие: «...самим же процессом развития в известный момент человеческой жизни вызывается, полагая конец дальнейшему развитию и — начало разложению, общественной и культурной смерти» [1. С. 77–157]. Петр Евгеньевич полагал, что эра творческого взлета европейской культуры позади, все в прошлом. «Культурно — весь Запад уже истощился» [1. С. 433]. Российской цивилизации не стоит руководствоваться «бесплодным европейским идеалом», отягощенным «небогатым содержанием», а надо озадачиться глобальной (стратегической) миссией национального самосознания. В неустоявшемся сознании небольшой части россиян XXI века фиксируем унижающее нас с вами желание стать частью Европы. В письмах к Павлу Евгеньевичу К. Н. Леонтьев иронично предполагает, что В. С. Соловьев мог бы возразить: «Куда нам, по Данилевскому, противопоставлять себя *целой* европейской цивилизации и претендовать на создание нового культурного типа. Русская цивилизация есть цивилизация европейская и больше ничего. Частная форма общего европейского типа...» [1. С. 433].

Анализ модели социального устройства Н. Я. Данилевского

К. Н. Леонтьев предложил модель *национально-культурного идеала*, включающего в себя две сферы: племя и культура, совмещение и наложение которых дает нам нацию (предположительно, наш культурный тип). Константин Николаевич настаивает на соблюдении гармоничного сопряжения между племенем и культурой, иначе смещение акцентов в сторону племенного, природного даст нам реализацию на уровне обособленного единичного, обреченного заранее своей ограниченностью. Акцентуализация на идеальном, всеобщем, культурном предполагает нацеленность на цивилизацию. В этом случае есть опасность появления «одной всемирной цивилизации», которая будет стремиться подчинить себе все остальные. Какую модель культурного идеала будет в будущем исповедовать Россия? В. С. Соловьев в качестве идеала предложил «соединение Церквей»; Н. Я. Данилевский — славянский культурный тип, базирующийся на четырех основах с приоритетом сильной государственности; разночинцы в конце XIX века — модель «пустого места», т. е. «ничего», отрицания всего косного, устаревшего. К. Н. Леонтьев при

всем преклонении перед гением В. С. Соловьева, все-таки ближе ко второму идеалу, хотя конкретизирует и дополняет его. «Национальный идеал» должен быть независимым от влияния Запада и предпочтительно религиозным.

Через какие четыре объединяющие основы раскрывает Н. Я. Данилевский «идеал» России? **Христианство**, которое из ранга национального может возвыситься до уровня всеобщего (всемирного) феномена в ходе просвещенного (философского) отношения. Иное наполнение идеи **государственности**, подтвержденное системой политических и юридических норм. Третьей основой выступает российская уникальная **духовность** и самобытная культурная форма. Пожалуй, единственную основу — **экономическую**, Николай Яковлевич не детализирует в силу цензурных соображений, а, может быть, потому, что время начала написания рукописи относится к дореформенному периоду, а вышла в печать она уже в пореформенной России, в которой мало что изменилось. К. Н. Леонтьев очень точно описывает эту неопределенность экономической составляющей. «Я хоть и вовсе не знаток ни в области сельского хозяйства, ни в области финансов, ни по вопросу торговли и промышленности, однако, кое-что слышал и видал по этой части, и, нередко размышляя обо всем этом в общих чертах и в связи с политикой, постоянно наталкивался на ту мысль, что капитализм (т. е. господство подвижного капитала, денег, над капиталом наиболее *недвижимым*, над поземельной собственностью, с одной стороны, и над *вольнонаемным* трудом — с другой) подействовал в России в короткое время после своего недавнего воцарения (с 18[61] года) — гораздо вреднее (с экономической стороны), чем в *свое время* (чем целый век тому назад) на Западе. <...> Хозяйственное устройство России, по мнению многих, так велико, что и самое блестящее финансовое управление одного даровитого министра может дать только благотельный толчок дальнейшему делу, но не может искоренить основного зла, которое лежит в глубоком потрясении землевладения и земледелия» [1. С. 443].

Экономическая свобода в пореформенной Руси рассматривается в трех аспектах: юридически оформленная свобода сословия дворян распоряжаться земельной собственностью; при идеологически провозглашенном внутреннем равенстве невозможность сословия крестьян отчуждать собственность. Третье «сословие» обитало в монастырях, в которых осуществлялась особая

жизнь: внутреннего равенства обитателей нет, все они подчиняются строгой иерархии; отчуждать собственность они не могли; а главное, сутью их существования является духовная (религиозная) составляющая. Монастырь у Н. Я. Данилевского выступал неким экономическим идеалом будущего обустройства России. Предположим, что идеал общественного устройства подкрепляется «...принудительно-общинным, сословно-социалистическим, основанным на ограничении права вообще отчуждать земли» [1. С. 452]. Он высказывает, казалось бы, совсем нереальную, «социалистическую» мысль о том, что земля не должна принадлежать ни дворянам, ни крестьянам, а быть только государственной (общая собственность). Во времена отмены крепостного права это предположение было революционным. Крестьяне, получив землю в собственность, к сожалению, не имели навыка ею распоряжаться и реализовывать плоды своего труда. Будучи тружениками, они оказались на практике неудавшимися собственниками. Возникла острая необходимость поставить крестьянство, избавленное от индивидуального закрепощения, в его же интересах в зависимость от государства.

Резюмируя: культурный идеал Н. Я. Данилевского в прочтении К. Н. Леонтьева в идеале должен реализоваться в идее русского православного самодержавия, подкрепленного государственной правовой нормой; в национальной модели хозяйствования (неотчуждаемость земли, закрепить правовое разграничение высшего и низшего сословий); в сословном устройстве Российской империи (институты земских начальников); преимущество материального положения рабочих перед положением пролетариата европейских стран. Константин Николаевич в качестве характерного признака славянского культурного типа настаивает на сословном устройстве, поясняя, что «... государство русское не может рассчитывать не только на создание в недрах своих *нового культурного типа* (как надеялся Данилевский), но не должно надеяться даже и на долгое (вековое — 400, 500 и т. д. лет!) *отдельное* от Запада *политическое существование*» [1. С. 454].

Модель культурного развития К. Н. Леонтьева

Вспомним, что для Н. Я. Данилевского «цивилизация» является вершиной становления разных «культурно-исторических типов» [5. С. 92]. Н. Я. Данилевский предполагает возможность появления «славянской цивилизации», но тенденция

становления может развиваться в двух вариантах: либо становиться независимой и особенной, либо второстепенной, зависимой. Прослеживаются предпосылки появления некоего культурно-исторического типа, которому суждено отразить сущность евразийского материка.

Константин Николаевич детально анализирует полемические замечания В. С. Соловьева на книгу Н. Я. Данилевского в работах «Владимир Соловьев против Данилевского» [1. С. 327–388], а также в «Национальной политике как орудие всемирной революции. Письма к отцу Иосифу Фуделю» [1. С. 389–422]. Письма к И. И. Фуделю (одному из близких молодых друзей в последние годы), пожалуй, интересны тем, что в них Константин Николаевич делится уже устоявшимися взглядами. В них дается глубокий анализ попытке Греции возродиться, что у неё не получилось ни по пути порождения инновационного, самобытного, ни по пути заимствования. Возрождения не получилось, потому что не состоялся «творческий акт», налицо было только слепое «подражание *прогрессивно-демократической Европе*» [1. С. 391]. Новые эллины в своих недрах не смогли вырастить привилегированного сословия, отразившего существенный (особенный) признак, как это было в античные времена. К. Н. Леонтьев сделал неутешительный вывод: Греция не смогла не только пойти по самобытному пути, но и позаимствовать хоть что-то от прогрессивной Европы, не получилось. Вслед за историей развития Греческого королевства Константин Николаевич переходит к рассмотрению влияния Германского союза на Италию. Упускаем исторические факты, обращаем внимание на важнейшее умозаключение, предполагаем, что в дальнейшем мы будем руководствоваться им в качестве необходимого условия существования «цивилизации». «...Он был в высшей степени оригинален, то есть *истинно национален* и по внутреннему политическому устройству, и по внешней политической роли, и в особенности по общественным, бытовым формам» (выделено курсивом в оригинальном тексте) [1. С. 393]. Можем сформулировать суждение, что «цивилизация» должна быть уникальной на уровнях внутреннего устройства и внешних взаимоотношений и национально-самобытной. Формальная преемственность или заимствование недопустимы.

Рассмотрим ещё одно письмо к священнику Иосифу Фуделю от 6 июля 1888 г. [2. С. 379–395]. В этом письме дается глубокий анализ современного процесса свободомыслия: от Н. Я. Данилев-

ского, славянофилов, А. И. Герцена, М. Н. Каткова до В. С. Соловьева и др. К. Н. Леонтьев невысокого мнения о генеральной идее славянофильства (представители: И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков). Идеи, озвученные как передовые полвека назад, в 80-х и 90-х годах XIX века воспринимались уже устаревшими. Если Н. Я. Данилевский рассматривает развитие человечества как смену культурных типов, то славянофилы таким видением не отличались. Они сравнивали культуру России и Запада как противопоставление ценностей, на уровне противостояния «общеморальных ценностей». Своему молодому другу Константин Николаевич пишет: «Данилевский дает ясную научную гипотезу: история есть смена культурных типов...» [4. С. 379], вычленив в качестве критерия проведения сравнительного анализа особенный культурно-исторический тип, тем самым «...сделал один исполинский шаг в области исторической мысли» [4. С. 500].

А. И. Герцен, уехав на прогрессивный Запад (в Европу), скоро разочаровывается в итоге в их утилитаризме. Удивительно, но у славянофилов нигде нет открытых нападок на «средний», средний тип скромного буржуа, так называемого «среднего европейца». Тогда как А. И. Герцен постоянно нападал на «среднего европейца». Потрясающий анализ взглядов А. И. Герцена, разуверившегося и в социализме, и в коммунизме, ставившем целью единообразие человечества, приведение всех «к общему знаменателю», т. е. не к универсальности, а обезличиванию. «Западный пролетарий борется против среднего и мелкого буржуа, чтобы в случае своей победы оказаться в их рядах», — так К. Н. Леонтьев интерпретирует взгляды А. И. Герцена на зарождающегося пролетария в конце XIX века. Для рассматриваемого «пролетария» ни ум, ни героизм не являются ценностно образующим основанием, это всего лишь инструмент достижения мелкобуржуазной цели. Основные лозунги этого периода: равенство и справедливость. А. И. Герцен в годы пребывания в Европе понимает, что его окружает статичный старый мир. Он называет его «завершенный мир», в котором нет динамики развития и нет целей, куда двигаться в перспективе. «Здесь чувствуешь, что стучишься головой о потолок мира *завершенного*» [4. С. 381–382]. По мнению К. Н. Леонтьева, заслуга Александра Ивановича Герцена заключается в том, что он сумел раскрыть либеральную гнильцу Европы, что оказалось не по силам славянофилам.

Последовательно К. Н. Леонтьев проводит сравнение социального действия И. С. Аксакова и М. Н. Каткова, причем не в пользу первого. М. Н. Катков действует решительно и сообразно уровню развития общества и сознания отдельного человека. Образно описывает возможные действия политиков: И. С. Аксаков, как он гипотетически предполагает, в условиях форс-мажора будет «глаголом жечь», выступать с публичной лекцией и звать за собой в идеальные выси, где будет существовать идеальный человек. Энергия приземленного М. Н. Каткова больше соответствует социальным реалиям того времени. «Катков на практике ежедневно служил славянофильскому идеалу гораздо лучше, чем сами славянофилы. Он видел жизнь, он понимал горькую правду нашей действительности, пожалуй, и поэтической, но запутанной быстрыми либерально-европейскими реформами. Что же делать, если из двух русских Европ, так сказать, наша «казенная» Европа охранительнее, сильнее, надежнее, государственнее и даже национальнее Европы либерально-русской» [4. С. 383]. Далее К. Н. Леонтьев делает неожиданный вывод, что именно российская «государственность» спасает наш самобытный культурный тип в большей степени нежели все рассуждения и призывы славянофилов, ратующих за спасение и процветание России.

Мнение К.Н. Леонтьева, что русский человек не предназначен для свободы, нам кажется спорным, а главное, неаргументированным. Другое его высказывание, как ни странно, нашло подтверждение во времени, в современных реалиях, что в Европе «все либеральное мало-помалу оказывается просто разрушительным» [4. С. 384]. И решение сословного вопроса в России конца XIX века также трактуется Константином Николаевичем неоднозначно. В книге «Византизм и славянство» он высказал свое мнение на возможность и предпочтительность многообразия в единстве («цветущая сложность»), критически воспринимая попытки славянофилов унифицировать сословия, вплоть до слияния воедино в толстовстве. Идея «опрощения» толстовцев превратилась во временную игру, от которой сама действительность отвратила славянофилов.

Последовательно К. Н. Леонтьев переходит к взглядам В. С. Соловьева. Он отмечает, что они оба вышли из недр либерального славянофильства. Однако В. С. Соловьев «...вдруг отвернувшись с равнодушием от культурно-национальных интересов» [1; 2. С. 385], вынес из славянофильства идею благодатной Церкви, приведшей

его к Риму. Что вынес К. Н. Леонтьев, по его собственному признанию? На этот гипотетический вопрос он ответил своими книгами, главная среди них «Византизм и славянство», в которых попытался гармонично соединить («примирить») идеи славянофилов, М. Н. Каткова, Н. Я. Данилевского, А. И. Герцена и В. С. Соловьева. В идеале его взгляды на развитие России можно структурно представить в следующей иерархии: государство — церковь — быт — законы — наука. Государство он видит целостным, в «цветущей сложности» и *осторожной* динамике; церковь — независимой, смелой и *нацеленной на смягчение нравов и власти*; быт — освященным *творчеством* и поэтикой духа, а главное, *национально разнообразным, но единым* в своем противопоставлении западному влиянию. Государственность, быт и церковь охраняют строгие законы, призванные гарантировать добросердечные отношения между гражданами. Наконец, неожиданный для того времени структурный элемент модели будущей России — это *фундаментальная наука*, призванная решать не частные сиюминутные задачи, а намечать стратегию эволюционного развития.

К. Н. Леонтьев раскрывает сущность своего учения, в котором акцентирует внимание на динамичном с сохранением всех сословий государстве; смягчающей жестокую государственность церкви; неукоснительном исполнении законов; уникальности и неповторимости быта и т. д. Таким образом, культурно-славянский тип, по мнению К. Н. Леонтьева, скорее эстетический, а не нравственный идеал. Эта структурная модель будущего России развивает идею Н. Я. Данилевского о разобщенности разных культурных типов. К. Н. Леонтьев акцентирует внимание на идейном и духовном разобщении России и Европы. Потрясающее сравнение божественного и дьявольского: в первом случае — излучаемый свет, во втором — отраженный, ложный свет от дьявола. Оценка сути современной Европы, которая «... даже и демонов не знает. Её жизнь даже и ложным светом не освещается!» [4. С. 391]. В развитие учения Н. Я. Данилевского Константин Николаевич вычленяет в качестве одного из ведущих признаков культурно-исторического типа религию (применительно к России — православие).

Основные положения учения К. Н. Леонтьева в 80-е — 90-е годы XIX века были широко известны в Европе. Анализ творчества русского мыслителя были посвящены труды, в частности книга «Русский национальный дух при

Александр III» Альфреда Портье д'Арка. Константин Николаевич реалистично оценивал влияние своего учения на формирование свободолобной мысли современности, тогда как французский ученый представлял его как «Россию в миниатюре». А. Портье д'Арк высказал мнение, что взгляды русского исследователя опережают свое время на 10-15 лет и могут служить руководством прогнозирования модели развития и для общества, и для государственных мужей. К. Н. Леонтьев за отправную точку своей теории признал основные положения Н. Я. Данилевского: «...Он сказал только одно великое слово, сделал один исполинский шаг в области исторической мысли... <...> ...культурные типы были; теория этих типов — превосходна, она лучше всяких других делений для понимания истории...» [4. С. 500]. Отдавая должное теории культурных типов, тем не менее, он предполагает, что может пойти что-то вопреки логике развития, что человечество пойдет по пути унификации и утилитаризма, что неизбежно приведет к угасанию цивилизаций. Высоко оценивая значение теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского для анализа прошлого человечества, он тем не менее в прогнозировании будущего считал, что применение учения может оказаться несостоятельным.

Анализируя ход истории (смену культурно-исторических типов), К. Н. Леонтьев предполагал, что возможно временное появление одного-двух новых культурных типов, рождение которых является ответной творческой вековой реакцией на «вызовы» человечества. В конце XIX века русский мыслитель к таким вековым «реакциям», качественно меняющим культурный тип, относит: феодализм и папство для Запада, буддизм и ислам для Востока и византийское православие. К. Н. Леонтьев как бы предвосхищает современное состояние человечества: наличие разных культурных типов есть необходимое и достаточное условие, а объединение их может привести к умиранию. Какова модель будущего развития России в интерпретации русского мыслителя? Он предполагал возможность появления русского царя, которому суждено будет возглавить «социалистическое движение», понимаемое как сознательно принимаемый «благоустроенный деспотизм», предполагающий рационально организованное насилие над свободой волеизъявления.

Второй основой Константин Николаевич полагал возрождение соборно-патриаршей формы православия, которая с нашей стороны будет являть единение, а со стороны Европы — неиз-

бежное разрушение устоявшегося мира со стороны пролетариата. Русский мыслитель резюмирует: «...за две основы — религиозную и государственно-экономическую — можно будет поручиться надолго» [4. С. 502]. В рассуждениях о возможном появлении нового культурно-исторического (славянского) типа К. Н. Леонтьев не столь оптимистичен, опираясь на достижения «точной» науки, предполагает, что новый тип неизбежно потерпит фиаско. В этих рассуждениях он вновь обращается к учению Н. Я. Данилевского: «...Существование разных культурных типов есть признак жизненности человечества, невозможность создать новый, смешение всех типов в один средний есть признак приближения человечества к смерти» [4. С. 503]. Константин Николаевич считал, что он продолжил теоретическое развитие учения о культурно-исторических типах Н. Я. Данилевского тем, что сформулировал гипотезу вторичного и предсмертного смешения, что предполагает восхождение от первоначальной простоты к «цветущей сложности». Он воспринимал Россию конца XIX века как «цивилизацию», раскрывающуюся через ряд технических достижений в виде, например, конок и пружинного матраса. Детально проанализируем это по главам 6 и 7 основного труда «Византизм и славянство» в будущем.

Если обратимся к главе VI «Византизма и славянства», то в ней не исторический экскурс в глубь веков, а, пожалуй, впервые в постановке цивилизационного подхода дана попытка философского осмысления понятий «развитие» и «распространение». *«Идея же развития, собственно, соответствует... некоему сложному процессу и, заметим, нередко вовсе противоположному с процессом распространения, развития...»* [1. С. 114].

Процесс развития в органическом мире К. Н. Леонтьев описывает как *«Постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой, — от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений»*.

Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности.

Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства» [1. С. 114].

К. Н. Леонтьев видит в недрах России (1889 г.) зарождающееся или дремлющее нечто, суть которого, как нам кажется, даже не в вульгарности или необразованности, а скорее всего в «отрица-

нии» всего и вся. «Что мы такое: действительно ли мы новый культурный мир, как думал Данилевский, орудие ли примирения Церквей без всякой особой гражданской оригинальности, как желает и надеется Владимир Соловьев, или, наконец, мы таим в загадочных недрах нашей великой отчизны зародыш самого ужасного отрицания и нигилизма...» [4. С. 442]. Константин Николаевич всецело разделяет социальные реформы графа Д. А. Толстого, которые в перспективе могут привести к положительным изменениям в обществе. «Я думаю-таки, если новая сословность у нас утвердится хоть на 100 лет, то прав до известной степени Данилевский: будет своя цивилизация. <...> Господи спаси Россию!» [4. С. 444].

Резюме

Рассмотрим предлагаемые варианты развития России.

1. К. Н. Леонтьев гипотетически предполагал обновленную Россию как новый культурно-исторический (славянский) тип при сохра-

нении сословного характера обустройства общества.

2. Россия как цивилизация сохранится в случае сохранения соборно-патриаршей формы византийского православия, призванного смягчать нравы правителей и народа, и укрепления духа.
3. Бытовая (экономическая) сторона обустройства государства должна быть наполнена инновациями и проникнута творческим духом созидания, противоположным западному влиянию.
4. Более 150 лет назад самое пристальное внимание он уделял правовому оформлению социальных отношений относительно собственности и политических прав разных сословий.
5. Наконец, определение стратегии цивилизационного становления России немыслимо без серьезного отношения к развитию фундаментальной науки со стороны государства и общества.

Список источников

1. Леонтьев К. Н. Грядущие судьбы России. М. : Изд-во «Э», 2017. 640 с.
2. Леонтьев К. Н. Национальная политика как орудие всемирной революции. Письма к отцу И. И. Фуделю // В кн.: Леонтьев К. Н. Грядущие судьбы России. М. : Изд-во «Э», 2017. С. 389–422.
3. Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского // В кн.: Леонтьев К. Н. Грядущие судьбы России. М. : Изд-во «Э», 2017. С. 327–388.
4. Леонтьев К. Н. Избранные письма (1854–1981) / публ., предисл. и коммент. Д. Соловьева ; вст. ст. С. Носова ; имен. указ. СПб. : Пушкинский фонд, 1993. 640 с.
5. Камалетдинова А. Я. Соотнесение понятий «цивилизация» и «культурно-исторический тип» в теории Н. Я. Данилевского // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 86–94. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-86-94.
6. Россия в многообразии цивилизаций / под ред. А. П. Шмелева. М. : Весь мир, 2011. 896 с.
7. Усманов С. М. «Русская цивилизация» и наследие Константина Леонтьева // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 3 (6). С. 82–89.

References

1. Leontyev KN. Gryadushchie sud'by Rossii = Future destinies of Russia. Moscow: Publ. "E"; 2017. 640 p. (In Russ.).
2. Leontyev KN. National politics as a weapon of the world revolution. Letters to father I.I. Fudel. In: Gryadushchie sud'by Rossii = Future destinies of Russia. Moscow: Publ. «E»; 2017. Pp. 389-422. (In Russ.).
3. Leontyev KN. Vladimir Solovyov against Danilevsky. In: Gryadushchie sud'by Rossii = Future destinies of Russia. Moscow: Publ. «E»; 2017. Pp. 327-388. (In Russ.).
4. Leontyev KN. Izbrannye pis'ma (1854–1981) = Selected letters (1854–1981). St. Petersburg: Pushkin Foundation; 1993. 640 p. (In Russ.).
5. Kamaletdinova AY. Correlation of the concepts of “civilization” and “cultural-historical type” in the theory of N. Ya. Danilevsky. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480):86-94. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-86-94. (In Russ.).
6. Shmeleva AP. (ed.) Rossiya v mnogoobrazii civilizacij = Russia in the diversity of civilizations. Moscow: Ves' mir; 2011. 896 p. (In Russ.).

7. Usmanov SM. "Russian civilization" and the legacy of Konstantin Leontyev. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*. 2013;(3(6):82-89. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Я. Камалетдинова — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии.

Information about the author

Alfiya. Ya. Kamaletdinova — Candidate Sci. (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Philosophy.

*Статья поступила в редакцию 05.02.2024;
одобрена после рецензирования 18.02.2024; при-
нята к публикации 18.02.2024*

*The article was submitted 05.02.2024; approved
after reviewing 18.02.2024; accepted for publication
18.02.2024.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests